

Глава 7

Мелкий дождь, точно сотканный из тонких нитей, окутал поле, и вскоре одежда Ван Ина насквозь пропиталась влагой. Но он не чувствовал холода — лишь небывалый прилив сил. Возбужденно бегая по меже, юноша всё никак не мог поверить: экспериментальное поле существовало на самом деле. Это не было плодом воображения или затянувшимся сном.

Немного успокоившись, он первым делом отправился проверять посевы.

Если судить по срокам его прошлой жизни, сейчас должна быть середина апреля. Пшеница на поле как раз вступила в фазу колошения — еще месяц, и можно будет собирать урожай!

Глядя на густые, радующие глаз всходы, он испытывал невыразимую радость, смешанную с кучей вопросов. Каковы условия входа в это пространство? Как долго он может здесь оставаться? Будет ли оно доступно всегда или у него есть срок годности?

Ответов не было. Поле просто возникло здесь, словно ниоткуда.

«Ладно, разберусь со временем»

Решив так, он сорвал два колоска и спрятал их за пазуху, надеясь проверить, удастся ли вынести их в реальный мир.

Закончив осмотр, юноша направился к краю поля. Но стоило ему приблизиться к невидимой границе, как некая мощная сила мягко, но уверенно отбрасывала его назад, к центру пашни — точь-в-точь как в легендах о «призрачной стене», не пускающей путника.

Похоже, вернуться в свой прежний мир через это пространство не получится.

Вскоре дождь утих, и небо вновь окрасилось в глубокий лазурный цвет. Подул легкий ветерок, и единственным звуком в этой тишине стал тихий шелест колышущихся стеблей. Воздух наполнился ароматами влажной земли и свежей зелени. Ван Ин глубоко вдохнул, постепенно смиряясь с тем, что покинуть этот мир ему не суждено.

Перед глазами снова вспыхнул белый свет, и он очнулся в спальне.

— Уф... — тяжело дыша, юноша сел на полу. Из-за пазухи на циновку выпали те самые колосья.

«Так и есть!»

На этот раз он засекал время: в пространстве он провел около часа. Неизвестно, удастся ли

попасть туда завтра, но, терзаемый сомнениями и надеждами, Ван Ин вскоре погрузился в глубокий сон.

Незаметно пролетело полмесяца. Он окончательно освоился в доме Чэней и со всеми перезнакомился.

Свекровь, госпожа Ли, оказалась из тех хозяек, что совершенно не вникают в дела. Женщина мягкая и безвольная, она целыми днями молилась Будде о благополучии детей, а в свободное время вышивала или сочиняла стихи. На главу дома она не тянула совершенно.

Младшая сестра, Чэнь Цинъюнь, напротив, была девочкой хваткой и сообразительной. Несмотря на юный возраст, она тащила на себе всё хозяйство, хотя слуги нет-нет да и пытались обвести её вокруг пальца.

Третий брат, Чэнь Цинсун, прилежно учился в школе. Поговаривали, что успехи у него блестящие, и в следующем году он собирался попробовать свои силы на экзаменах.

Что же до Чэнь Цинъяня, то он по-прежнему лежал в постели бревном. Ван Ин всеми правдами и неправдами заставлял его есть, и, по крайней мере, хуже больному не становилось.

Утром дядя Чэнь наконец привез кресло-каталку. Мастер постарался на славу: изделие почти в точности повторяло чертеж. Ван Ин проверил конструкцию в деле — от современной коляски почти не отличить, даже поворотный механизм колес удалось воссоздать!

Радостно вкатив кресло в комнату, он воскликнул:

— Эй, Чэнь Цинъянь, гляди, что привезли!

Тот приподнял голову и безучастно мазнул взглядом по новинке:

— Деревянная тележка? Стул?

— Это называется инвалидное кресло. Давай, пусть дядя Чэнь поможет тебе пересесть, я вывезу тебя проветриться.

— Ни за что! — отрезал Цинъянь, даже не раздумывая.

— Зря, что ли, старались, мастерили? Хоть разок попробуй.

— Я не просил об этом.

Дядя Чэнь стоял рядом, не зная, что делать — он не смел без приказа стаскивать молодого господина с кровати.

Ван Ин лишь цыкнул, засучил рукава и решительным шагом подошел к постели. Одним отточенным движением он подхватил больного на руки. Пусть нынешнее тело и принадлежало гэ'эру, но годы тяжелого крестьянского труда не прошли даром — силы юноше было не занимать.

Чэнь Цинъянь буквально окаменел. Его лицо то бледнело, то заливалось пунцовой краской.

— Ты... ты что творишь?! — наконец выдал он, задыхаясь от возмущения.

— Идем на солнце, а то ты тут скоро плесенью обрастешь, — Ван Ин усадил его в кресло и, не слушая возражений, выкатил из комнаты.

— Неслыханно... просто неслыханно... — бормотал Цинъянь, жмурясь от хлынувшего в глаза яркого света. Он прикрыл лицо рукой, и в этот миг странное, щемящее чувство наполнило его грудь.

Как давно он не видел солнца? Казалось, с того самого дня, когда он потерпел неудачу на экзаменах, его жизнь превратилась в сплошную серую мглу. Спустя долгое время он медленно опустил руку, позволяя теплым лучам ласкать кожу. От этого тепла по телу пробежала легкая дрожь.

Дядя Чэнь, шедший следом, тайком вытер слезу. Слава богам, что в доме появился молодой супруг — без него господин, верно, так и угас бы в четырех стенах.

Денек выдался жарким, и Ван Ин, боясь, как бы больного не хватил удар, откатил кресло в тень софору, что росла посреди двора.

— Посиди тут, а я в огороде приберусь.

Раньше в заднем дворе было три клумбы с пионами и розами, но Ван Ин к цветам был равнодушен. Посоветовавшись с госпожой Ли, он безжалостно всё перекопал и засадил овощами.

Огородик вышел небольшой, но разнообразный: тут и лук, и чеснок, и сельдерей с кинзой. Вдоль ограды уже тянулись к солнцу огурцы, тыквы и фасоль. Большинство овощей были привычны местным, но в углу зеленело несколько странных ростков: томаты, перец и арбузы.

Эту рассаду он перенес со своего экспериментального поля. Откуда там взялись помидоры? Всё просто: когда он арендовал участок в прошлой жизни, то закупил у местных фермеров навоз для удобрения. Видимо, там оказались непереваренные семена, которые и взошли в чудесном пространстве.

На жаре ростки подвяли, так что Ван Ин принялся усердно поливать их из ковша. Закончив с поливом, он принялся за подпорки — вьющимся растениям нужна опора, чтобы лучше расти. Он ловко крутил веревки из сухой травы, вбивал в землю колышки и подвязывал плети. В детстве, живя с дедушкой и бабушкой, он усвоил немало хитростей, о которых в книгах не прочтешь.

Чэнь Цинъянь из-под тени дерева наблюдал за его работой. Сначала равнодушно, но постепенно в его глазах проснулся интерес.

— Зачем ты привязываешь ветки к палкам? — не выдержал он.

— Потому что это лианы, — пояснил Ван Ин, не разгибая спины. — Когда они начинают тянуться, им нужна опора. Без неё они поползут по земле, перепутаются и закроют друг другу свет. Листья начнут гнить, и урожая не жди.

Он выпрямился, вытирая пот:

— А с подпорками — совсем другое дело. Плети полезут вверх, листва будет проветриваться, солнца хватит на всех. Только так можно вырастить много фасоли.

Цинъянь задумчиво кивнул:

— Оказывается, и в огородных делах есть своя наука.

— Вот видишь, даже растениям нужны солнце и свежий воздух. Что уж говорить о людях. Так что, когда погода будет хорошей, я всегда буду вывозить тебя погулять.

На этот раз собеседник спорить не стал, лишь уточнил:

— Только в задний двор.

Ван Ин невольно улыбнулся: парень-то, оказывается, не совсем безнадежен.

— Брат! Ты вышел! — Чэнь Цинсун, только что вернувшийся из школы, с радостным криком подбежал к дереву.

— М-м... Погода сегодня славная, решил немного подышать, — неловко ответил старший брат.

— Давно пора! А что это за чудесная тележка?

— Твоя... невестка придумала. Называется инвалидное кресло.

Ван Ин, сполоснув руки, подошел к мальчику:

— Ну, что сегодня в школе проходили?

— «Лунь Юй», главу «Вэй чжэн». Учитель читал: «Если руководить народом посредством законов и насаждать порядок посредством наказаний, то народ будет стремиться избежать их, но не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и насаждать порядок посредством ритуала, то народ будет испытывать стыд и вести себя исправно».

— И как ты это понимаешь?

— Конфуций учил, что если править лишь указами да казнями, то люди будут подчиняться из страха, но в душе не исправятся. А если воспитывать в них добродетель и приучать к приличиям, то у них появится совесть, и они сами не захотят творить зло.

Мальчик с надеждой посмотрел на старшего брата:

— Я правильно сказал?

Чэнь Цинъянь едва заметно кивнул:

— Ты передал лишь общую суть, но не коснулся глубины.

Он принялся объяснять, цитируя классиков и раскрывая тончайшие нюансы одной-единственной фразы. Цинсун слушал, затаив дыхание.

Ван Ин не мог не признать: когда этот зануда рассуждал о книгах, в нем просыпалось особое очарование. Вещал он чинно и важно, как заправский старый академик. Да и человеком он был, в сущности, неплохим — хоть и вспыльчивый, но зла не помнил. Одежду свою отдал, о постели на полу беспокоился... Ван Ин понимал: окажись он сам на месте Цинъяня, вряд ли смог бы вести себя так достойно с совершенно незнакомым человеком, которого ему навязали в супруги.

В прошлой жизни ему было не до романов. В школе все силы уходили на учебу, а когда

поступил в университет — заболели дедушка с бабушкой. На втором курсе за ним пыталась ухлестывать одна девушка, но он вечно пропадал на подработках, чтобы оплатить лекарства, и отношения сошли на нет. На четвертом курсе друзья сосватали ему невесту, но познакомиться они так и не успели — он очутился здесь.

Он снова взглянул на Чэнь Цинъюня и заметил, что тот начал тяжело дышать.

— Ну всё, на сегодня хватит, — скомандовал Ван Ин. — Цинсун, вези брата в дом, ему вредно долго сидеть.

— Слушаюсь! — мальчик послушно покатил кресло. Вместе с дядей Чэнем они помогли больному улечься.

Должно быть, прогулка пошла на пользу: за ужином Цинъюнь съел больше обычного, почти целую миску танбина — домашней лапши с мясом и зеленью.

— Спасибо тебе за сегодня, — негромко произнес он, когда они остались одни.

Ван Ин удивленно поднял глаза:

— За что это?

Кончики ушей собеседника слегка покраснели:

— Кресло... оно удобное. Мне понравилось.

— Пустяки. Мы всё-таки супруги, а мне не улыбается стать вдовцом раньше срока.

...

Чэнь Цинъюнь сердито натянул одеяло до самого подбородка. Ну что за человек! Ни одного слова не может сказать, чтобы не съязвить!

«Тук-тук-тук»

— Невестка, ты здесь? — послышался из-за двери встревоженный голос Чэнь Цинъюня.

Ван Ин открыл дверь и увидел, что девочка бледна. Она отчаянно замигала, подавая знаки. Он быстро вышел в коридор, прикрыв за собой дверь:

— Что случилось?

— Беда! — прошептала Цинъюнь. — Второй дядя со всей своей оравой снова притащился. Матушка собирается отдать им своё приданое!

<http://bllate.org/book/15812/1422947>